

Отзыв

официального оппонента о диссертации О.Н. Дьяченко «Проблема личности в западноевропейской средневековой философии», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.2.

История философии.

Взгляд на средневековье как бессмысленно-бесполезную эпоху, интеллектуальное кладбище человечества поверхностен; – в центральном, прошивающем, точно молния, доктринальные тщания 14 веков, интеллектуальном начале данного культурного отрезка – догмате сотворения высшей сферы мироздания «по образу и подобию» подспудно содержится основание кристаллизации последующей тематизации Номо.

Указанное основание – декларируемая двойственность человека, природа которого распадается на «благообразное» и «несообразное», «небесное» и «мирское», «сакральное» и «тварное».

В данной точке – зародыш разворачиваемой на обширном историческом поле эпохальной антропологии, версифицирующей сюжеты субъектности в терминах

– экзистенциальных: многоплановая оправданно-неоправданная страдальческая доля лица, предуготовляющего себя к вхождению в мир горнего;

– правовых: упрочение сословно-цеховой структуры общества, обусловливая ролевую, частично-функциональную дифференцировку социума, легализует унификацию порядков общения представителей конкретных страт (сословно-корпоративное право (IX – XV вв.) как поведенчески-этикетная императивная канва обмена деятельностью);

– политико-государствоведческих: проработка столь принципиальных для судеб социума тем, как характер государства, законосообразность общественной жизни и т.п. (В Западной Европе – Ф. Аквинский, М. Падуанский, Г. Брактон, Ф. де Бомануар, Грациан; на арабском Востоке – Аль Фараби,

Ибн Сина, Ибн Рушд, Аль Маварди, Ибн Хальдун; на Руси Иларион, Владимир Мономах, Даниил Заточник);

– деонтологических: в общении, интеракции на базе автономизируемых в опыте путем проб и ошибок совершенных интенций, предпочтений концептуализируются капитальные консенсусы достоинства вещей и людей, оформляется облигаторная компетенция «как можно» – «как должно»;

– оккультно-магических (миротворческих): натуральная магия (алхимия, ятрохимия и др.) пытается взломать (чего не помышлял миф) плотно закрытые ворота, выводящие на дорогу обретения господства над природой. Магия, апеллируя к сакральному (мистическая онтология), тем не менее связывает поту- и посюстороннее технологически. Способствуя оформлению экспериментальной субъектности (Парижская – Буридан, Орем; Оксфордская – Р.Бэкон, Гроссетесте школы);

– предреформационных: каков пастырь, таково и стадо. Между тем в кругу самосозидания «Я» сам себе лучший пастырь. Секулярная проекция линии стимулирует сосредоточение на делах мирских, чему способствует дифференцировки трудов *pro domo* и *pro ecclesia*.

Конфессиональная ее проекция поощряет трансформацию культовости. Говорится в I послании ап. Павла к коринфянам: «И незнатное мира, и униженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее ... чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом». Для обнажения себя перед высшей реальностью (исповедь, покаяние), прохождения очищения, оправдания не нужны посредники: «Я» сам свой высший суд перед Всевышним и ввиду него.

Как видно, тургесценция персонального – дериват высвобождения человека от внешней зависимости посредством духовного самозамыкания, нарочитого удаления от мирских (групповых) связей, корпоративной зоологии.

Заслуживает внимания общая платформа диссертанта, согласно которой Средневековье под фирмой таких комплексов, как христианство, феодализм, рыцарство способствовало произрастанию в менталитете морального

сознания, нравственной нормосообразности. Устроение людей – граждан античных «обезличенных» социумов – лишено комплексов индивидуально удостоверяемых нравственных реакций и потенциалов. Такие комплексы складываются только в Средневековье, внедрившем в духовный обиход понятия «совесть», «долг», «честь». (Античность не знала ни соответственных понятий, ни сопряженных с ними коррелятивных терминов. Находимые в греческом и латинском «conscientia», «dignitas», «honor» передают лишь оттенки этих высших этических добродетелей). Личность в античности – продолжение полиса, касты, семьи, клана – не жизнедействует в режиме автономного индивида. Оформление оно идет благодаря:

- христианству: соприкосновение с Богом, случающееся как интимный акт, подрывает узы связей индивида с группой. Религиозные действия, таинства глубоко персональны – индуцированы по сути своей сокровенной осанной, опирающейся на частные «откровения», «прозрения», «озарения». Всяк обретает, утрачивает Бога, становится перед ним лично – здесь не может быть круговой поруки, цеховой солидарности. Человек во храме – лицедей, самодостаточный агент, проявляющий самоцельность, самосостояние: греховность и праведность, муки и блаженство обретаются партикулярно. Внутренняя проекция высших ценностей на себя с последующей самооценкой стимулирует укоренение личностного начала, управляемого единоличной квалифицирующей инстанцией – совестью;

- феодализму: естественно-жизненный уклад законствования собственности, ее пользования, распоряжения рождает чувство властелина, в пределах очерченного локала не имеющего себе равных. Это прямо-таки героическое чувство собственной всеильности при его содержательной реконструкции питается тройким корнем – ощущением а) неприкосновенности занимающего некую социальную, духовную, гражданскую нишу лица, б) ответственности за возложенную на лицо сюзереном частичную ролевую функцию; в) самодостоинства, самоуважения, гордости лица за свой статус. Отношение к себе на юридически добротных и легитимных основаниях всей пол-

ноты инициатив, полномочий в кругу вверенных тебе забот о людях, хозяйстве, деле обуславливает вполне очевидно индивидуализирующее существование представление долга, с которым координируются потенциальные линии самоутверждения;

▪ рыцарству: капитальная проблема нравственности – баланс содержания и формы в метафизическом конституировании побуждений. Содержательно побуждения не всеобщи, следовательно, нет законов, которые их регулируют: побуждения субъективны, покоятся на импровизациях, вкусах. Формально нравственный закон, если он закон, должен быть всеобщим, необходимым. Коль скоро это так, нравственный закон, не определяя содержания побуждений, обязан регулировать их форму. Побуждения нравственны, если для разумных существ представляемы в качестве всеобщих, необходимых. Но как исключать содержание побуждений из законов нравственности?

Пафос нравственного закона – не всеобщность, а высота. Нравственность основана не на формальных канонах, а на содержательной достоинности поведения (его мотивации) гуманитарных существ. Нравственность порождена не знанием (Сократ), предопределенностью (Кант), но гражданским воспитанием, формирующим диапазон починов: что делать? как делать?

С историко-культурной точки зрения в процесс кристаллизации рефлексивного морального сознания непреходящ вклад рыцарства, обогатившего духовность кодексом чести (благородство, великодушие, верность и т.д.), в отношении приобщения к коему вопрос для каждого остается открытым.

Итак, совесть, долг, честь – те вехи, которыми отметило Средневековье шествие человечества по пути обретения в себе человеческого.

Невзирая на сказанное какой-то стройной концепции личности средневековье предложить не могло. Это потому, что говоря кратко, в данную созерцательно-интроспективную эпоху (как и эпоху античности) человек слишком подневолен, чтобы быть, стать героем. Действительность, картина мира выстраивалась как несамодостаточная организация, тяготеющая то к Богу – по праву творения, то к дьяволу – по праву греха. В любом случае не-

раскрепощенный человек слишком многое носил в себе, дабы действовать; его внутренняя полнота вкупе с отрешенностью становилась бедностью ввиду жизни и деятельности.

Соображения автора отличают признаки поисковой новизны, демонстративной оправданности, формальной когерентности, одновременно иницируют стремление фиксации недвусмысленных полемических идей.

1. Требуется прояснения статус «веры».

Гносеологически вера как форма чувственного удостоверения истины есть живая идея, ассоциирующаяся с наличными впечатлениями. Ничего убедительного человеку мятущемуся необязательное чувство предоставить не способно. Экзистенциально вера есть сверхчувственное упование, которое, как «скрытый параметр», стабилизирует поведение на основе адресации к свободной высшей воле, с позиций благоприятствования вмешивающейся в жизненную ситуацию. Указанная адресация, к несчастью, каких бы то ни было гарантий не предоставляет. Так что, подобно чувству, сверхчувство в разрешении житейских драм не вдохновляет. Социологически вера есть способ группового контроля диспозиций. Действительно. Человек утверждает в горизонте проекта. Обмирщая символы, он может дереализовываться, игнорировать объективные реалии. Чем он руководствуется? Не истиной, а вероятными допущениями – диспозициями, позволяющими мотивировать поведение, действовать. Способом закрепления объектов веры здесь служат авторитарные методики – приемы привития конформизма. «Чем доказывается истина? – вопрошал Ницше. – Чувством повышенной власти – полезностью – неизбежностью – короче, выгодами (именно предпосылками, какую истину следует создать, чтобы она была нами признана)... Для чего познавать? Почему бы не обманываться?.. Чего все желали, так это не истины, а веры... Вера же создается с помощью иных, противоположных методике исследования средств – она даже исключает последнюю».

В качестве сухого остатка имеем: в любых модусах своего заявления вера не может быть перспективным инструментом решения смысложизненных человеческих проблем.

И все-таки – может, полагаясь не на призрачные вмешательства извне, а на предшествующее действию внутреннее воодушевление, предопределяющее выбор. Каков «выход» в данное «предприятие» опыта средневековья?

2. Заслуживает концептуального развития обрамляющий разыскания автора установочный рефрен: становление «личностного» реализуется на фоне преодоления средневекового теистического: царствие Божие – праведность и мир и радость во святом духе» (Римл. 14; 17).

Фактически дело обстоит так, что человек перманентно отстаивает себя перед жизнью, вместо того, чтобы наслаждаться ею как наличным благом. В последнем – феномен капитальной недостаточности человека: он неспокоен, обеспокоен сущим; он творец, но не креатор (всего лишь бедная копия – «образ и подобие»), не дотягивает до автодефиниции, «никто из нас не реализует вполне ни человеческой сущности, ни даже полного понятия своей собственной индивидуальности... вместо того, чтобы просто существовать, мы постоянно прикладываем усилия, чтобы удержаться в бытии, чтобы сохранить и реализовать себя» (Жильсон).

Выходит, человек не живет, а собирается жить. Завершение, пугая человека, радикально его будирует: он бросается в бесконечные рискованные предприятия, ищет себя, растрчивает свободу, становится на стезю испытаний и не достигает искомого: не преодолевает сущностной неполноценности. Пустоту, незавершенность, частичность выполняет Бог. Преодолеваем ли в житейских тщаниях дух средневековья?

3. Странно невнимание диссертанта к будирующей сюжетике персональности многоотсечной теодицеи: почему праведный всемогущий творец не исключил предпосылки греха и зла из творения? В порядке ответа на вопрос возникали многочисленные *ad hoc* конструкции.

- 1) Бог наделяет человека свободой, но не задает правил ее использования; зло, следовательно, – в самостийности, инициативности человека;
- 2) Зло – одно из несовершенств сотворенного, функционирующего в автономном режиме по своим законам;
- 3) Бог – исток разума, разум – исток души, поэтому возможности для души вторичны, непосредственно богом не детерминированы;
- 4) Человек – существо дуальное, способное на добро, и на зло;
- 5) Зло есть в боге (имманентный подход), но не потому что он бог, а потому что в нем некая темная основа бытия – «природа в боге»;
- 6) Если б бог знал, что творение повлечет зло, он воздержался б и от творения добра, а это было бы жертвой неоправданной;
- 7) Порок локален: он входит в добродетель, точно яд в лекарство.

Характерный изъян всех этих «рациональных» моделей – искусственность, многократно усиливающаяся тривиальной апелляцией к здравому смыслу: во всевершенство творца должно быть предположено всезнание. Бог, сотворивший мир, принимает на себя за него полную ответственность. Благословлять и убийцу и жертву нельзя; нельзя быть «над схваткой».

В таком случае на авансцену выдвигается «человек» с инновационным рефлексивным отягощением – грузом антроподицеи.

4. В столь полифундаментальной разработке практически не нашлось места для аналитики вопросов упрочения эпистемологической субъектности в деятельности натуральных магов Парижской – Оксфордской школ.

Результаты работы О.Н. Дьяченко адекватно отражены в научных публикациях, выпущенном автореферате диссертации.

Рецензируемая диссертация является самостоятельным цельным исследованием, отвечающим паспорту заявленной специальности; содержащим научную новизну; соответствующим требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям (п. п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 с изменениями и дополнениями от 11.09.2021

№ 1539); автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.2. – История философии.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры общественных наук
КФ ФГБОУ ВО «Московский государственный
технический университет имени Н.Э. Баумана»
(национальный исследовательский университет)»
(МГТУ им. Н.Э. Баумана)

В.В. Ильин

Подлинность подписи
Ильина В.В.
ЗАБЕРЯЮ
Подпись *Ильин В.В.*
спец. по кадрам
"01" 04 2022г.

Ильин Виктор Васильевич

E- mail: ilinvv@bmstu.ru

Контактный телефон: 89641481921

Контактная информация кафедры:

Почтовый адрес 248000, г. Калуга, ул. Баженова, дом 2, корпус №5

2-й этаж, ауд.225. Телефон: 79913289188